

Александр Коломийцев

с. Зональное, Алтайский край

МИЛЕТЯНИН В АФИНАХ

Исторический роман

(Продолжение. Начало в № 10/2016, № 2/2017)

– 4 –

Блещущее светило, столь медлительное в зените, несколько убыстрило своё движение, добравшись до склона небесного купола. И хотя зной был не сравним с пеклом первых месяцев года, в виду городских стен путник непрерывно утирал лоб, обильно увлажнённый потом. Гиматий набросил на плечи, как обыкновенную накидку, и если бы не желание скрыть от нескромных взоров кошель с деньгами, Анаксимандр снял бы его совсем. Достигнув тени, прошёл под Пирейскими воротами, ступил на довольно широкую Портовую улицу. Путь до агоры ещё на галере объяснил Диомедонт, и обращаться к помощи прохожих не было надобности. За кровлями одноэтажных домов виднелся Пникс, где афиняне устраивали свои собрания, справа на циклопической камен-

ной глыбе высились белоснежные колонны и крыши храмов. Акрополь! Всякий чужеземец, волею судеб или по своему хотению занесённый в Афины, стремился попасть в город богов. Как говаривали бывалые люди, после нашествия мидян Акрополь стал ещё краше. Но Акрополь он посмотрит потом, когда мало-мальски уладит дела.

– Куда прёшь, раззява? – засмотревшись на Акрополь, Анаксимандр столкнулся с прохожим, пребольно получив толчок в плечо.

Молодой, почти мальчишеский, голос добавил язвительно:

– Видать из деревни, ишь, едало на Акрополь распахнул.

Опасаясь новых насмешек, милетянин заторопился прочь от уличных остряков. Улицу довольно густо заполнял куда-то торопящийся, беседующий, жестикулирующий люд, одетый со всем возможным разнообразием. Дорогие пеплосы шли рядом с грубыми хитонами, едва прикрывающими тело, и не понять было, с кем разминулся, кому уступил дорогу: урождённому афинянину или рабу, уваливающему от работы и слоняющемуся по улицам в поисках развлечений. Улица между тем менялась, среди одноэтажных построек всё чаще встречались двухэтажные дома. Стараясь не наткнуться на прохожих, Анаксимандр углубился в свои заботы.

Акрополь потом, сегодня он посмотрит агору, устроится с гостиницей. Может, и вправду стоило остаться в Пирее? Перед праздниками в Афинах, очевидно, трудно с ночлегом. Многолюдье на улицах, наверное, и объясняется наплывом гостей. Всякому эллину любопытно побывать на представлениях в театре Диониса. Лучшие актёры и поэты съезжаются на состязания на Великих Дионисиях, и от их состязаний зрителям великое удовольствие. Слева над домами проглядывала ограда Ареопага. Там тоже есть, что посмотреть. Заглянуть бы в расщелину, в которой скрылись эринии, возмущённые оправданием Ореста. Но в Ареопаг не попасть. Суровые старцы даже своих сограждан не допускают в обители святого суда. Сюда попадают лишь против своей воли те, над кем чинят суд за преступления против отчих законов, оскор-

бление богов. В присмотре за уважением к богам старцы суровы и непримиримы, многим удаётся оправдаться.

На перекрёстке Анаксимандр остановился, раздумывая, какой путь избрать. Впереди, позади домов виднелся скальный обрыв Рыночного холма, цель сегодняшнего путешествия. Подумав, свернул вправо, на узкую улочку. Улочка выглядела совсем уж затрапезной. Изгибалась, петляла. Если бы два рослых мужчины встали поперёк неё и вытянули руки, непременно бы коснулись пальцами домов. Здесь его опять поджидало небольшое и не очень приятное приключение. У калитки, рядом с неказистым домишком стоял голопузый малец и самозабвенно ковырялся в носу. Надув щёки, Анаксимандр скорчил страшную рожу. Малец вынул пальчик из носа, с изумлением воззрился на придурковатого дядьку. Из калитки выскочила простоволосая баба с круглым плоским лицом, в хитоне цвета золы и широкогорлым горшком в руках. Выплеснув в зловонную лужу помои, дёрнула мальчика за руку, повлекла за собой во двор. Вытирая мерзкие брызги, достигшие бороды, милетянин негодуяюще крикнул вслед:

– Поосторожней, уважаемая!

Бабе некогда было вступать в перепалку, огрызнулась из-за калитки:

– Рот не разевай, деревня!

Оставалось удивляться, почему человек, попадая в незнакомое место, держится так неловко и неуверенно.

Анаксимандр понял, что заплутал, вернулся назад и, пройдя до следующего перекрёстка, свернул на другую, более широкую, чем та, на которой с ним обошлись так невежливо. Эта улица называлась Ламповой. Здесь и вправду имелись многочисленные лавки и мастерские ламповщиков. Зачастую и то и другое совмещалось, а по помоям, разлитым посреди улицы, можно было догадаться, что здесь же находятся и жилища мастеровых. Зато прохожих на боковой улочке оказалось значительно меньше, чем на Портовой. Желая перво-наперво побывать у знаменитого источника, Анаксимандр ещё раз повернул и взошёл на холм по Панафинеиной улице. Прежде чем пройти на площадь, свернул влево, к Девятиструйному источнику. По обеим сто-

ронам прохладного вестибюля, по которому неторопливо прохаживались вальяжные горожане, чьей главной заботой являлась умная беседа с образованными людьми, ограждённые мраморными плитами, располагались бассейны. Из девяти львиных голов в бассейны струилась прозрачная влага. Вот оно, чудо чудное. Не по воле богов, а стараниями человеческого разума и рук, вода, преодолев десятки стадий по терракотовым трубкам, прибыла в место, назначенное смертным. Таких рукотворных водопроводов во всей Элладе, да что в Элладе, во всей Ойкумене, только два. Один на Самосе, второй в Афинах. Стараясь не привлекать внимания, Анаксимандр подошёл к парапету, черпнул горстью холодную влагу, поднёс ко рту. Вода показалась вдвойне вкусней.

Торговля закончилась. Места ларьков заняли ристалища. Тут на потеху зрителей бились насмерть бойцовские петухи и перепела: насакивали друг на друга, от ударов клювами и когтями летели перья, брызгла кровь. Кукареканье и клёкот мешались с азартными воплями. Там метали кости, бросали бабки. В тени портиков центральной южной галереи расхаживали степенные, благовоспитанные афиняне, одетые в дорогие пеплосы разнообразных расцветок, вели неспешные беседы. Его дорожный гиматий, несомненно, бросался в глаза. Виды города, в котором так стремился побывать, увлекли, и костюм был забыт. Анаксимандр пересёк площадь, приблизился к широким ступеням. Внизу располагался круглый Толос, четырёхугольный Булевтерион – пристанище известного во всей Элладе Совета пятисот. Правее красовались храмы, святилища. Серенький затрапезный порос уступил место праздничному белоснежному мрамору. Как, должно быть, радостно находиться в этих прекрасных зданиях. И законы здесь разрабатываются на пользу всем гражданам, справедливые законы, иначе и быть не может. Не зря на Афины взирают все свободолюбивые эллины. После праздников не только Акрополь посмотрит, и в Булевтерион заглянет, поди, не прогонят. Говорят, всякий афинянин может свободно присутствовать на заседаниях Буле и слушать, как готовятся законы. А он гражданин

союзного города и всей душой с Афинами. Посмотрит, послушает, будет, о чём поговорить с Левкиппом. Философ охоч слушать бывалых людей, путешествовавших по разным странам, особенно тех, которые не только про цены говорят, но и про местные обычаи, государственные установления и всякие редкости. Радостные предчувствия распирала грудь Анаксимандра, но пришла пора подумать и о пристанище. Прежде чем покинуть агору, прошёлся по галерее.

На агоре Лисагор завернул на Центральную галерею, встретиться с друзьями, поболтать о великом и малом, и всей компанией отправиться в баню, понежить тело перед обедом. Лисикл, Каллифонт, Аристид, жившие доходами с имений, уже общались. Аристид, как обычно, размахивал руками, зубоскалил, в их кружкё это был самый несерьёзный человек. Глядя со стороны на черноглазого живчика, завязтого говоруна, и не скажешь, что это владелец богатейшего имения на плодородной Афинской долине. Да и какие у него заботы? Прошлогодний набег спартиатов его не коснулся, имение отлажено ещё прадедами, после персидского нашествия восстановлено отцом. Аристид и пальцем не пошевелил для каких-либо изменений или улучшений, и это было самое умное деяние в его жизни, если отсутствие действий посчитать поступком. Заправлял имением управляющий, поставленный ещё дедом. Одни заботы у Аристида – считать доходы, устраивать пиры, да снаряжать колесницы на агон. Но ещё ни разу, ни здесь, на Панафинеях, ни в Олимпии, возникшие Аристида не брали призов, и неудачи на скачках составляли главную досаду эвпатрида.

Сейчас Аристид похвалялся, какой нынче хор содержит. Счастливец, ему даже литургии нипочём. Упоминание о литургиях испортили Лисагору настроение. Два года назад он уже кормил хоревтов и актёров. Не хочется даже вспоминать, во сколько мин ему обошлась литургия. Кашей да репой не отделаешься, эти горлодёры с каждым годом всё выше нос задирают, только копандских угрей на обед ещё не требуют. Что не так, по всей Элладе разнесут сплетни, какой Лисагор скупердй и жмот. Ни на агоре, ни на

Пниксе не покажешься, чумазные мальчишки станут пальцем показывать и всякие непристойности вслед орать. Прошлым летом кое-как удалось увильнуть от почётной государственной обязанности, будь она неладна. Пританы обещали на будущий год обязать построить и оснастить триеру. Тогда прощай второй рудник. Всю прибыль Лисагор копил для этой цели. Расходы предстояли немалые – арендная плата, оборудование, рабы, надсмотрщики, охрана. Управляющего никак не подберёт. Хороший управляющий будет – полдела сделано, сам ведь на руднике жить не станешь. В заветных мечтах Лисагор не только арендовал серебряные рудники, но и владел кузнечным эргастерием. Да не абы каким, а чтобы за его изделиями покупатели в очередь стояли. Хороших кузнецов нанять трудно. Раба, даже если ремеслу обучен, на тонкую работу не поставишь. Имел Лисагор задумку, пару мастеров, из молодых, бесемейных, переманить из Лакедемона. Это опять же расходы, и немалые, окупятся не сразу. Заставят исполнять литургии, аппетиты придётся умерить. Одна надежда на неразбериху. Состав пританов каждые полтора месяца меняется, только благодаря нестыковке и удаётся от литургий увиливать. Но ходят слухи, и упорные, собираются булветы на Пниксе законопроект выдвинуть об учреждении коллегий по надзору за сбором налогов и распределению, вроде коллегии по надзору за рынками и торговлей. Примут закон, от литургий никуда не деться. Наберут в коллегию голодранцев, а те горазды чужие денежки считать, и придётся триеры строить. Без триер война невозможна, обязательно заставят. Война, конечно, дело нужное, цены на рабов который год не поднимаются, да вот кто бы военные расходы на себя взял. Второй рудник, возможно, сумеет в аренду взять, а вот с мечтой об эргастерии придётся распрощаться. Как бы ещё извернуться да рабов дешевле, чем на рынке, покупать? Так размышлял Лисагор, поздоровавшись с друзьями и заняв место в их кружкё. О тяжких заботах друзья не ведали, ведали о другом. Позавчера Лисагор вернулся с рудника, привёз серебряные поковки и тут же выгодно сбыв оптовикам. Поэтому, по мнению друзей, горнозаводчик после удачной сделки просто обязан выглядеть весёлым, счастли-

вым и на радостях устроить щедрый пир и развесёлый симпозиум.

Аристид, глядя на чем-то озабоченного горнозаводчика, хитро прищурился, спросил, чем же заняты мысли уважаемого Лисагора, не тем ли, каких флейтисток и танцорок позвать на симпозиум. Лисикл, Каллифонт поддержали шутника одобрительным смехом. Меняя щекотливую тему, Лисагор кивнул на приближающегося шестого приятеля:

– А вот и Демармен!

Демармен, подняв в приветствии руку, столкнулся с невежей-чужестранцем, бродившим по галерее едва ли не с разинутым ртом. Аристид, скоморошничая, воздел руки к небу.

– Ну, наконец-то! А я уж подумал, куда наш друг Демармен запропастился? Не в учителя ли от нужды пошёл?

На Центральной галерее, на том конце, где располагалось здание гелиэи, поругивали некоего Перикла и нахваляли Фукидида. Поминали недобрым словом законы «графе параномон», дававшие много воли черни. Возмущались введением платы гелиастам и раздачей театральных денег голодранцам.

– Теперь в темноте, до зари в театр бежать надо, иначе и сесть негде, бездельники все места займут. Им какие заботы? Да они с вечера придут, спать на лучших местах завалятся. Им какая разница, где ночевать? А порядочные люди принуждены на дурных местах сидеть.

Кто такие «они», собеседники понимали без уточнений.

– Спросить бы этих самых народных благодетелей, кто литургии исполняет, кто актёров поит, кормит? Нешто горшечники да свинопасы?

В другой группе рассуждали о нравственности.

– Да как же так, платить за государственные дела? На то они и государственные, чтобы их лучшие люди из одной заботы об Отчизне безвозмездно вершили. За деньги и рабыню для утех купить можно. Подобия не наблюдаете? Вот к чему приведёт плата судьям, к безнравственности, всё продаваться будет. Судить да государственные

дела вершить могут только граждане, коим деньги за это не надобны. Голытьба, тут уж без сомнения, таким законам и рада. А что сиди себе, день-деньской в носу ковыряйся, тебе за это ещё и деньги заплатят, и работать не надо. Да они все в гелиасты попрут. Кто работать, интересно, станет?

– Прав ты, Архилох, только низкие люди могут требовать плату за государственную службу. Да я со стыда сгорю, если приму эти презренные два обола.

Прислушиваясь к разговорам, свидетельствовавшим о существенных различиях внутри афинского общества, Анаксимандр столкнулся с косо поглядевшим на него афинянином, сзади раздалось насмешливое фыркание, и милетянин поспешил разминуться.

В следующей группе хвалили Эсхила за «Евмениды».

– Хорошую трагедию Эсхил написал. Главное, вовремя. Что благословенная Афина сказала? Вот ответ нашим народолюбцам. Отвернётся от нас премудрая Тритонида, как жить станем? Пропадём.

– Нашим народолюбцам и горя мало. Им лишь бы на Пниксе покрасоваться, – фраза закруглилась в бессильной злобе: – Вожди народа...

В голосах не было азарта, словно собеседники, в чём-то потерпевшие поражение, не надеялись одержать победу, а обсасывали привычную тему, когда мнения известны, реплики ожидаемы и лишь хочется отвести душу. Но не все ругали новые порядки, в конце галереи слышались другие речи.

– Теперь, когда власть всем разрядам доступна, много стоящих людей проявится. Возьмите хоть нынешнего эпонима Мнесифида. Сколько крику было, зевгита архонтом выбрать, да ещё эпонимом! Что он в государственных делах понимает? Вот уж год заканчивается, и чем плох оказался зевгит Мнесифид? Теперь каждый смело иди хоть в судьи, хоть в кого. Два обола не густо, да на пропитание хватит. А то жили, как в болоте, что выжившим из ума старцам привидится, то и делаем. Все должности платными надо сделать, так я думаю. А старцы пускай в ареопаге сидят, думу думают.

Да, в Афинах, как и в Милете, всеобщего единогласия не наблюдалось. Это на агоре,

где собираются люди, имеющие досуг. Можно представить, что творится на Пниксе, когда на собрания сходятся все граждане.

На Анаксимандра обращали внимание, поворачивали вслед головы, вводя в смущение, с усмешкой провожали взглядами. Милетянин мысленно оглядел себя и ужаснулся. То, что выглядело обычным в дороге, или в рыночной толпе, вечером, среди фланирующей по галереям и портикам публики, бросалось в глаза. Среди всего общества он один был обут в дорожные башмаки, одет в шерстяной запыхавшийся гиматий, да ещё шляпа на голове и мешок за плечами, и действительно выглядел деревенщиной. Зря, разозлившись на Деомедонта, не нанял носильщика. Стараясь не глядеть по сторонам, Анаксимандр заторопился прочь. На выходе с площади его бесцеремонно дёрнули за руку. Насторожившись, обернулся. Рядом стоял малолетний оборвыш в замызганном хитоне, более походившем на тряпку, чем на одежду, с чумазым лицом, цыпками на босых ногах.

– Дяденька, – спрашивал оборвыш, – у тебя есть, где ночевать? Хочешь, проведу? У хозяина шика-арные апартаменты, останешься доволен. И развлечься можно, и накормят, пожелаешь, и бабёнка на выбор будет. Идём, не пожалеешь! – малец настойчиво тянул руку, захватив в грязную лапку три средних пальца.

Анаксимандр хмыкнул, услышав из уст малолетнего зазывалы перечень услуг, предоставляемых гостиницей, и пошёл следом за настырным провожатым. Тот, спустившись с агоры, повернул налево, объявил покровительственно, как заведомому простаку из захолустья, ошалевшему в большом городе:

– Это дем Диомея, а идём мы по улице Ножей, запоминай!

Внешним обликом улица Ножей мало отличалась от улицы Ламп, лишь двухэтажные дома встречались чаще, а мастерские и лавки реже. В один из двухэтажных домов, пройдя десяток стадий от агоры, мальчишка и привёл клиента. Во дворе, ближе ко входу, стоял большой квадратный стол. Столешницу, представлявшую собой ристалище, ограждали высокие, мелко ячеистые решётки. На поле брани,

поблёскивая бронзовыми шпорами, не на жизнь, а на смерть бились два петуха. Один чёрный, второй цвета спелого жёлудя, с тёмно-коричневыми перьями в хвосте. Последний был много крупнее соперника, но чёрный показывал больше прыти и злости в драке. Человек пятнадцать зрителей, сгрудившись вокруг ристалища, криками, жестами, даже мимикой, едва ли не мгновенно менявшей выражения лиц, подбадривали своих ставленников, и требовали более решительных действий, забывая, что ставленники навряд ли понимают человеческую речь. На двух других столах, установленных в глубине двора, второй находился за жертвенником Зевса, шла не менее азартная игра в кости. Анаксимандр остановился у привратничкой, мальчишка, не обронив ни слова, куда-то исчез. Коротая время, вдыхал дразнящие ароматы, исходившие из кухни, заглядывая меж спин зрителей, следил за петушиной битвой. Гребень коричневого бойца оказался расклёванным, ослеплённый яростью противник старался наносить удары в развёрстную рану. Из гребня во все стороны летела кровь, окрашивая красным обоих бойцов, попадая на чёрные перья, скатывалась тёмно-вишнёвыми каплями. Накал страстей нарастал. Грузный вояка уже был готов показать хвост, но удача улыбнулась и ему. Чёрный от наглости потерял осторожность, и метким ударом клюва был лишён глаза. Неудача прыткого бойца, сопровождалась вздохом разочарования. Противники в изнеможении разошлись по сторонам и, не обращая внимания на недовольные крики и науськивания, лишь пугали друг друга клёкотом и воинственными позами. Устроитель поединка объявил перерыв, петухов забрали для кормёжки. Поле брани опустело, но зрители, казалось, ещё больше разгорячились, обсуждая острые моменты поединка. Из кухни появился тучный мужчина с рыжей бородой, лоснящимся тугощёким лицом, в хитоне не первой свежести. Подойдя к гостю, поздоровался.

– Хайре, путник. Я Мегакреон, хозяин гостиницы. В чём нуждаешься?

– Хайре! Я Анаксимандр, сын Исолоха, купец из Милета. Нужно жильё на всё вре-

мя Великих Дионисий, и потом, может, на седмицу, пока товар закуплю.

– Ясно. Место есть. Как желаешь жить, в отдельной комнате или общей? – Анаксимандр затребовал отдельную, и Мегакреон принялся скрести в затылке, словно успел забыть, имеются ли у него свободные комнаты. – Ага, – наконец произнёс хитрый метек, – есть одна свободная, не очень просторная, правда, лучшие уже заняты, поверишь, даже во дворе ночуют. Подожди.

Мегакреон отлучился в комнату, расположенную рядом с привратницей, выйдя оттуда с диптихом и стилем.

– Идём, – кивнул постояльцу и шагнул на расположенную тут же дубовую лестницу с перилами.

Пройдя шагов двадцать по галерее, метек остановился у входа в одноместные апартаменты. Количество дверей, выходящих на галерею, предполагало, что многочисленные отдельные комнаты существуют лишь в воображении хозяина. В довольно узком помещении, ширина его едва ли превосходила полторы оргии, находилась деревянная кровать со спинкой в изголовье, накрытая довольно грязным покрывалом, две табуретки и сундук.

– Светильник, если потребуется, возьмёшь у смотрителя, соседняя дверь с привратницей, – сообщил хозяин и тут же добавил: – За отдельную плату.

Не отвечая, постоялец приподнял покрывало. Взору предстали засаленные, вытертые овчины. На лице привередливого жильца появилась брезгливая гримаса, не ускользнувшая от взора хитрого метека и позволившая сделать определённые выводы.

– Я плачу деньги сполна, сколько потребуешь. И за свои деньги хочу получать первосортный товар. Поэтому вели сменить всю постель, застелить чистые простыни и покрывало. А в этих овчинах и вши, и клопы водятся.

Положив диптих и стиль на сундук, хозяин потряс овчину, пожал плечами, сокрушённо развёл руками.

– Я же тебе объяснял, город наводнён гостями, все лучшие комнаты разобраны, и за эту придётся платить повышенную цену. От желающих отбоя нет, завтра послезав-

тра за счастье почтут, если на галерее место найдётся.

– За повышенную плату я и в другую гостиницу могу пойти, – Анаксимандра охватывало раздражение, владелец клоповника без зазрения совести набивал цену.

– Ладно, ладно, – произнёс тот миролюбиво, сел на табуретку, устроив на коленях диптих и приготовив стиль. Переспросил имя и поинтересовался: – Столоваться, где будешь? И, кстати, есть ли у тебя деньги?

Анаксимандр отстегнул малый кошель, второй не ускользнул от взгляда глазастого метека. Захватив горсть серебра, протянул хозяйину тетрадрахму.

– Вот задаток, столоваться у тебя буду.

Губы метека изогнула липкая улыбка. Взяв монету, осмотрел с обеих сторон, пригляделся к изображению пучеглазой, круглоголовой птицы, словно опасался, что из Милета прилетела ворона, а не сова, потрогал на зуб.

– Хорошим гостям всегда рады, все желания исполним.

Пока хозяин делал записи, милетянин, сняв мешок, пристроив поклажу на сундук и сев на вторую табуретку, спросил:

– Баня у тебя есть? Мне помыться с дороги надо.

– Как же, как же, в обязательном порядке. Как же гостиница без бани? С полдня вода горячая. Обратись к смотрителю, он и баню покажет, и раба в помощь пришлёт. Все твои желания исполнит, и помоеет, и умастит. Ещё какие надобности есть? Может, тебе спать одиноко? У меня есть, кто поможет ночь скоротать. Чистенькие, ухоженные, а уж искусницы-ы!

– Сам пробовал? – фыркнул Анаксимандр. – Нет, не требуются твои искусницы. Чистая постель, еда, баня – вот всё, что мне надобно.

Хозяин ушёл, и Анаксимандр принялся раскладывать вещи. Пожитки, деньги, сложил в сундук, запер замком, прихваченным из дома. Сменил башмаки на сандалии, и, прихватив чистый хитон и полотенце, отправился в баню.

Замок на сундуке укрепил заглянувшего сюда через некоторое время метека в его предположениях.

(Продолжение следует)